

И Шэн на самом деле не был особо заинтересован, у него никогда не было особых способностей к искусству или музыке, поэтому к таким вещам он вообще не проявлял внимания.

Но увидев выражение лица Шэнь Хэцю, он не хотел портить ему настроение, поэтому просто кивнул:

— Нравится.

— Но я не особо разбираюсь в этом, просто думаю, что звучит красиво. Хэцю, ты умеешь играть?

Глаза Шэнь Хэцю заблестели, он поджал губы и улыбнулся:

— Умею!

Он сжал в руках ноты и начал без остановки говорить на связанные с этим темы.

— У этой пьесы на самом деле есть другое название — Лунная соната, это любовная композиция, которую Бетховен посвятил дочери итальянского графа Гвиччарди, Джульетте.

— Изначально Бетховен назвал её Фантазией, но немецкий поэт Генрих Рельштаб, услышав первую часть этой пьесы, описал её как «как лодка, качающаяся на сверкающей лунным светом поверхности озера Люцерн в Швейцарии», отсюда и произошло название Лунная...

Шэнь Хэцю рассказывал всё это, улыбаясь, когда он смеялся, на его щеках появлялись две маленькие ямочки, которые вместе с глазами, изогнутыми в форме полумесяца, притягивали взгляды.

В сердце И Шэна словно что-то слегка стукнуло, за всё это время он никогда не видел, чтобы Шэнь Хэцю так улыбался.

Беззаботно, без тени грусти.

Как будто драгоценный камень, завернутый в вуаль, сбросил этот тонкий слой, став красивым и сияющим, вызывая восхищение, от которого невозможно оторваться.

Поэтому, даже если его головная боль усиливалась, знакомый звон в ушах накрывал с новой силой, свет, проникающий через окно палаты, становился слишком ярким, а сосуды в голове начинали пульсировать от боли, И Шэн всё равно молча сидел у кровати, слушая, как Шэнь Хэцю в знакомой ему сфере гордо и уверенно сияет, словно излучая свет.

Шэнь Хэцю оживлённо выложил всё, что хотел рассказать, словно высыпал бобы, на его лице всё ещё играл румянец, то ли от волнения, то ли от жара, он посмотрел на И Шэна, желая узнать мнение своего слушателя:

— И...

Шэнь Хэцю не успел произнести обращение, как вдруг снова проглотил его.

И Шэн услышал, как Шэнь Хэцю зовёт его, опустил руку, которую растирал у виска, и мягко спросил:

— Что такое?

Шэнь Хэцю шевельнул губами, его взгляд упал на лицо И Шэна, и он остро почувствовал подавленность собеседника.

«Я... я не слишком много говорю, не надоел?..» — с тревогой подумал Шэнь Хэцю.

Он, кажется, только что увлёкся разговором и совсем забыл о господине И.

Может, господину И не нравится слушать его рассказы, а он всё это время говорил сам с собой...

Шэнь Хэцю слегка прикусил губу, инстинктивно желая извиниться:

— Прости...

Шэнь Хэцю ещё не договорил, как увидел, что И Шэн сделал несколько шагов вперёд, и в следующую секунду он уже оказался в его объятиях.

— Г-господин И?

Ноты выскользнули из рук, бумажки разлетелись, издавая шелестящий звук.

Шэнь Хэцю, оказавшись в объятиях И Шэна, на мгновение растерялся.

Он поднял голову, хотел спросить, что случилось с господином И.

И Шэн внезапно опустил голову и упёрся подбородком в его плечо.

Тёплое дыхание коснулось шеи, на коже, чрезмерно чувствительной из-за жара, вызвало дрожащий зуд.

Шэнь Хэцю широко раскрыл глаза, через пару секунд жар на его лице вспыхнул ещё сильнее.

— Ч-что случилось? — покраснев, пробормотал он.

И Шэн обхватил руками талию и спину Шэнь Хэцю, его дыхание стало немного тяжелее, сдерживая разрывающую голову боль и поднимающееся из глубины души раздражение.

— Ты хорошо рассказал, мне не надоело, не извиняйся.

— Я просто немного устал.

Он выдохнул, его голос стал низким и хриплым, звуча очень устало:

— Прости, дай мне немного так посидеть.

Вес на плече был немного тяжёлым, короткие волосы И Шэна щекотали щеку, но Шэнь Хэцю не сопротивлялся, позволяя И Шэну держать его.

Господин И выглядел очень уставшим.

Шэнь Хэцю нерешительно протянул руку, обнял И Шэна в ответ, и, подражая тому, как тот утешал его раньше, неуклюже похлопал по спине, тихо спросив:

— Работа... тяжелая?

— Угу, — И Шэн, обнимая его, с трудом подавил подступающее раздражение.

Шэнь Хэцю моргнул, он подумал, что может сделать:

— Тогда... я сыграю для тебя на пианино...?

Господину И, наверное, нравятся фортепианные пьесы? Музыка тоже может снять усталость.

— Сыграю Лунную сонату... это... не будет сложно слушать, — взволнованно сказал Шэнь Хэцю, сейчас он не может петь, но может играть по нотам.

Он не такой, как господин И, который, кажется, всё умеет: справляется со сложной работой, печёт торты, и ещё умеет заботиться о людях...

Он надеялся, что с помощью фортепиано сможет помочь господину И расслабиться, хотя бы чуть-чуть.

Игра на пианино?

И Шэн на мгновение замер:

— Сыграешь для меня?

Шэнь Хэцю закивал, как цыплёнок, клюющий зерно:

— Ты слишком устал... я... я хочу, чтобы ты немного отдохнул.

В груди И Шэна потеплело, он слегка сжал руку на талии Шэнь Хэцю.

Шэнь Хэцю почувствовал движение И Шэна, его стройная талия чувствительно дрогнула, но вскоре расслабилась, не проявляя неприятия или сопротивления.

Он подумал, что господину И неудобно, и снова легонько похлопал по спине И Шэна два раза, его неумелые движения были достаточны, чтобы развеять душевную усталость.

И Шэн заметил реакцию Шэнь Хэцю, тепло в груди усилилось, словно маленький молочный пирожок растаял от тепла, сладкий и тёплый.

Можно ли считать, что он немного приручил Маленького соловья?

И Шэн отпустил Шэнь Хэцю, уголки его губ приподнялись в улыбке:

— Хорошо, жаль, что дома нет пианино.

Шэнь Хэцю поспешно сказал:

— Н-не обязательно пианино, другие инструменты тоже подойдут.

— Другие инструменты? — И Шэн слегка удивился. — Хэцю, ты и на других умеешь?

Шэнь Хэцю кивнул, торопясь ответить, боясь, что не сможет помочь:

— Угу, угу.

И Шэн рассмеялся, он поднял руку и погладил голову Шэнь Хэцю, оставшееся в душе

беспокойство теперь полностью рассеялось:

— Раньше я некоторое время учился играть на скрипке, сейчас она, наверное, всё ещё пылится в кладовке, когда вернёмся, можно поискать.

Теперь настала очередь Шэнь Хэцю удивиться:

— Господин И... умеет играть на скрипке? Как здорово.

И Шэн покачал головой:

— Нет.

— Тогда я только начал учиться, сейчас уже всё забыл.

— Хэцю более способный, на любом инструменте играет, — с улыбкой похвалил И Шэн, поправил одеяло, сползшее до колен Шэнь Хэцю, снова накрыл его до талии и помог собрать рассыпанные ноты.

Шэнь Хэцю, смущённый и застенчивый от похвалы, не удержался и сказал:

— Но... но если это скрипка, то Лунную сонату сыграть не получится, она не будет хорошо звучать...

Поэтому... поэтому он тоже не такой уж способный...

— Тогда сыграй что-нибудь другое, — сильная головная боль после угасания беспокойства тоже постепенно прошла, И Шэн наклонился, погладил слегка горячую щёку Шэнь Хэцю, и уже хотел что-то сказать.

Бах.

Дверь палаты внезапно распахнулась.

Чжао Цянь стоял на пороге с натянутой улыбкой:

— Извините, подвиньтесь, пожалуйста, у пациента закончилась капельница, нужно поменять бутылку.

Он гордо вышагивал, даже за несколько шагов умудряясь демонстрировать военную выправку, решительно встал между ними, буквально разъединив их.

Затем он бешено стал делать глазами знаки И Шэню, чтобы этот пёс держался подальше от его маленького сокровища.

Он разрешил этому человеку помочь, но не хотел, чтобы Шэнь Хэцю к нему привязался.

— Фугуй... что с твоими глазами? — озадаченно глядя на странное выражение лица Чжао Цяня, дёргающего уголком глаза, не удержался и спросил Шэнь Хэцю.

Чжао Цянь...

Он с досадой уставился на Шэнь Хэцю, словно наседка, наблюдающая за своим глупым цыплёнком, прыгающим в кастрюлю, затем, рассердившись и смутившись, сказал:

— Не зови меня Фугуй!

Когда закончилась последняя бутылка капельницы, оформление выписки тоже было завершено.

Шэнь Хэцю всё ещё был в больнице, но как только они вернулись домой, по совету сопровождающего личного врача, доктора Ли, И Шэн немедленно отправил его отдыхать.

Доктор Ли, убедившись, что пока проблем нет, тоже взял свою сумку и поселился в соседнем пустующем небольшом доме, оставшись, чтобы не мешать.

Чжао Цянь уже ушёл, применяя к И Шэну тактику «с глаз долой — из сердца вон», только Линь Чэнцзюнь, приехав, тоже остался.

— Сегодня всё в порядке? — Линь Чэнцзюнь оглядел И Шэна. — Голова не болит?

— Всё в порядке, не болит.

И Шэн стоял на балконе гостиной, открыл мобильный телефон и увидел целую серию пропущенных звонков.

Он мимоходом добавил этот номер без имени в чёрный список.

<http://bllate.org/book/15590/1388542>